

Алексей Просвет

г. Энгельс

Крестная

(Продолжение. Начало в № 9)

– А что, баб Тонь, корову свою не выгоняешь? – спросил Петька.

– Да нет коровы, Петенька. Продали по весне, трудно нам с Николаем держать-то. И корм покупать нужно. А сено косить, так вообще никакого здоровья уже нет.

– Ну вот, баб Тонь, и твоя калитка. До сарая донесешь? – уже подойдя к двору Антонины, сказал Петька и, скинув мешок с плеча, прислонил его к забору.

– Донесу, Петь, донесу. Спасибо тебе.

– Да не за что, – ответил Петька. И оглянувшись на стадо коров, как закричит:

– А ну, куда, шельма, пошла! – Да как хлыстом опять хлыстнет, словно из ружья выстрелил, и побежал к ним, присвистывая и матерясь.

– Эх, Петька, неугомонный, – глядя вслед пастуху, с улыбкой сказала Антонина, как бы подытожив утреннюю встречу и беседу с Петькой. А затем, закрываясь рукой от уже вставшего солнца, посмотрела вдаль: «Оттуда должны приехать родненькие, оттуда. Крестницы мои ненаглядные, с той сторонushки», – и зашла в калитку.

Скинув мешок у сарая, Антонина пошла в дом. Зайдя в дом, увидела, что дед Николай уже проснулся и забрал свой протез. А зайдя в кухню, увидела мирно сидящего за столом и пьющего из блюдца чай деда.

– Ой, дед, проснулся! – сказала Антонина с некоторой безобидной укоризной и иронией.

– Садись, Тось, чайку попей, – ответил дед Николай, сделав вид, что не понял и не заметил интонации Антонины. Слово ничего не произошло.

– Чаем отходишь?

– С чего это ты взяла? Вовсе нет.

– Ага, как же. Хоть и причесался, умылся, чтоб свежее выглядеть, а вижу, что вчера перебрали вы с Федором. А ведь у тебя сердце. А ты никак не угомонишься.

– Тось, так ить немного. Так, с устатку, – оправдывался дед Николай.

– Знаю я твое с устатку. Вижу, нутро-то горит и руки трясутся. Ладно, – махнув рукой сказала Антонина, – ступай в чулан, плесни себе из фляги чуток, опохмелись. Но гляди у меня, не больше ста грамм. А то вразнос, на старые-то дрожжи, пойдешь.

– Тось, да ты что, ты ж меня знаешь.

– Вот поэтому и предупреждаю, потому что знаю тебя как облупленного. Возьми ключ от чулана, только сюда возвращайся, чтоб при мне, – указала пальцем на стол и дала связку ключей.

Дед Николай, взяв ключ, спешно захромал в чулан, прихватив с собой стоявшую на подоконнике стеклянную поллитровую банку. А Антонина села пить чай и слушала, как шумел в чулане дед Николай.

– Затих. Вот стервец, там пьет, да еще и за столом хочет, – догадалась Антонина.

– Дед! – позвала она мужа. – А ну, подь сюды.

Дед Николай явился за стол с серьезным видом, поставил на стол налитую до половины поллитровую банку.

– Чего, Тось, звала? – спросил он.

– Ах ты, негодник, я тебе сказала – не больше ста грамм. А ты полбанки принес.

– Да что ж это, у меня шкала в глазу, штоль, набрал, сколько зачерпнул.

– А там в чулане зачем пил?

– Не пил!

– Ладно тебе, не пил он. Вон усы все и рубаха мокрые. Ты что, прям к фляге приложился, что ли? Ты прям как кот к сметане, – и засмеялась.

– Да ладно тебе, Тось, ты что, в самом деле, – смущаясь, ответил дед и потянулся к банке.

– Куда?! – остановила его Антонина. – Ты свое в чулане выпил. Все, хватит.

– Антонина! – в знак протеста с напускной строгостью сказал дед Николай.

– Поглядите-ка на него, как он заговорил! – противопоставила Антонина протесту мужа свой резон. – Вижу, не только красненькое пили, а крепче, ну?

– Ну, было дело, – нехотя ответил дед Николай.

– А я-то и гляжу, что-то с тобой не то. Ты что, совсем под старость очумел? Ладно, пей, но одну стопку, остальное я уберу. И гляди у меня, сегодня крестницы в гости приедут, чтобы ни-ни, понял? – постучав пальцем по столу, предупредила Антонина.

– Понял, – отмахнулся дед Николай и потянулся к банке.

– А ну убери руки, я сама, – и, налив деду стопку, добавила:

– Вот видишь, набрал, как еще раз упиться. Давай-ка ешь и на базар яички отнеси или лучше до станции иди, там быстрее купят. Да смотри деньги никуда не день, го-стинцев ребятам купим.

После чаепития Антонина пошла заправлять перину. Раздвинув занавески на окне, она взглядом через тюль проводила деда, погрозив ему кулаком, мол, смотри только попробуй. Застелив перину, Антонина стала убирать со стола в кухне. Собрав посуду со стола, она увидела, что поллитровая банка, из которой она налила деду, пуста.

– Ну и гад, выхлебал до конца, проглядела. Ну котяра, ну котяра. Ну придет, я ему... Бесстыжий! Господи, прости, довел, – и перекрестилась.

Моя чашки из-под чая, Антонина размышляла: «Ох, хоть бы Николай вразнос не пошел, хотя вразнос-то и никогда почти и не было. Это он ведь тоже чувствует сердцем радость, тоже ведь ждет крестниц. Вот под шумок-то и выпить хочет. Праздника, стервец, ждет. Вот и поддерживает себя в этом состоянии. Ну, ей-Богу, как мальчишка перед встречей Нового года».

Помыв чашки, Антонина достала из чулана муку и дрожжи. Поставила опару на

пирог и затеяла тесто на блины. К приезду должно все подняться, как раз с пылу, с жару на стол. Поглядев на часы, подумала: «Едут, родненькие».

Вышла на двор посмотреть, что бы сделать еще?! Все ли готово к приезду крестниц?! Готовиться к приезду крестниц Антонина начала еще три дня назад. А в этот долгожданный день места себе не находила.

– Пойти крапивы цыплятам нарезать, – вслух подумала она и, сев на лавку у крыльца в прохладу тени, стала мелко резать крапиву и тихонько напевала:

– Расцвела под окошком белоснежная вишня,

Из-за тучки далекой показалась луна.

Все подружки по парам в тишине разбрелись,

Только я в этот вечер засиделась одна...

И, словно услышав музыку гармонии, стала петь, соблюдая слышимые только ей мелодии и ритмы. Где должен быть в песне проигрыш, молчала, прокручивая и воспроизводя в памяти каждую ноту, а где начинался куплет, вступала. Пела, словно слышала аккомпанемент только она одна. Вот уже сколько лет прошло, а помнит, как брат ее Ленька играл на гармонии. Помнила даже те места, где Ленька сбивался. Вот и получилось, что даже спустя много лет, когда пела Антонина, брат ее Ленька всегда мог подыграть ей из далекого, но казавшегося ей недавно ушедшего прошлого.

– Ох ты мой ненаглядный,
как тебя я любила...

Продолжая петь, Антонина снова и снова переносилась в свою молодость. В те дни, когда они, молодые, пели песни, сидя в кузове грузовика, по дороге на поля, и звучали девичьи голоса, перепевая шум мотора.

– На горе совхоз, а под горой колхоз.

А мне милый мой задавал вопрос...

И летели слова этой песни по всей округе, и слышно их было далеко-далеко, наверное, даже в соседней деревне Алексеевке. А когда заканчивались песни, то тут-то

находившимся рядом становилось немного неуютно, потому что девчата начинали шутить над ними, но без злобы, так, чтобы ехать было веселее. На таких вот предрабочих весельях и Ленька был заводилой. Брал с собой гармонию, играл и пел. А уж девчатам спуска не давал, когда те пытались над ним подшутить, обязательно вывернется, обернет шутку в обратную сторону, и уже та шутница сама краснела, так как смеялись над ней. Да... За словом в карман не лез, мог перевести разговор на нужную ему тему. Так он и познакомился с Еленой. Ох уж и красавица была, ни в их деревне, ни в Алексеевке краше не сыскать. От женихов отбоя не было. А выбрала Леньку, и высок, и красив, и на все руки мастер. Вот в начале лета сватов к Елене и заслали.

Свадьбу играли богатую, ни копейки не занимали, все Ленька, все он устроил. Пасека пчелиная у него была. Вот он мед бидонами качал. Грузил на телегу и татарам оптом сдавал. На эти же деньги и дом добротный построил. Светлый, просторный. Антонине с Николаем тоже помог в строительстве дома в соседней деревне. Ни копейки обратно не попросил. Сестра, как-никак. Дружно жили, роднились. А Елена за ним была как за каменной стеной. Вот уж действительно, не замужем, а за мужем. И все-то у них спорилось, первая пара были в округе, тогда, видно, завистливые люди и сглазили, но это немного после.

Первой родилась Люда, старшая крестница. Второй Валентина, но через месяц умерла от воспаления легких. А третьей родилась Ниночка, младшая. И для всех Антонина приходилась крестной и души в них не чаяла. Это мать Леньки и Антонины, Прасковья, приучила их с детства жить дружно, родниться, любить и уважать друг друга.

– Что бы я не озябла, на плечи мне осторожно накинул пальто...

Тихо напевала песни Антонина, пока резала молодую крапиву. И вспомнился ей один случай, когда они с Еленой пели эту песню.

Однажды зимой, когда Антонина приехала в гости к Леньке и Елене в Алексеевку, то оказалось, что Ленька уехал в район, а Елене надо было срочно в сельсовет. Вот и попросила она Тосю подождать в доме, а заодно и за Людой и Ниночкой приглядеть. Вместе запрягали в сани лошадь. Выезжая со двора, Елена обещала вернуться через час, а чтоб дорога была короче, поехала Елена в сельсовет по льду через реку, как все деревенские, сокращая путь. Тося же осталась в доме с Ниночкой и Людой. Тут-то, видно, и случился Божий промысел. Ниночка в ту пору только-только начала говорить, сидит она в кровати и показывает пальчиком на окна, говоря: «Мама!» А Тося ей отвечает:

– Да, Ниночка, оттуда мама приедет, к маме хочешь? – Берет на ручки Нину и подходит к окну, откуда видно зимнюю дорогу через реку. Видит она, что Елена уже возвращается из сельсовета по этой дороге, и вдруг лошадь проваливается под лед, а с ней и Елена на санях.

– Господи, спаси! – только и успела сказать Тося и в чем была, в том и выбежала на улицу. Со всех ног, без валенок бежит к реке и кричит.

– Лена, Леночка! Я сейчас, милая, бегу, держись родная!..

Не чувствуя под собой ног и что снега по колено, выбежала на лед и, не задумываясь, бросилась в воду.

– Лена, отпрягай сани, не то лошадь утянет и тебя на дно! – кричала Тося. – За лед, если что, держись, течение сильное, как бы под лед не попасть.

– Не могу, Тося, не могу. Руки не двигаются, совсем замерзли, – отвечала Елена.

Тогда Тося стала пробовать сама, слава Богу, сани одним полозом за край полыньи зацепились и держались наполовину в воде. Получилось, отвязала. Как только отвязала сани, так лед окончательно сломался.

– Вылазь, Лена, я помогу, – сказала Тося.

– Не сможем, Тося, не выберемся мы с тобой. Зря ты за мной в воду-то...

– Да ты что, Лена, выберемся. Дома и Люда, и Ниночка без присмотра.

Попробовали еще раз, и никак, подламываются края полыньи, и одежда промокшая ко дну тянет.

– Снимай с себя шубу и валенки, не то потянут они тебя. Лена, снимай, говорю!

– Скинула!

– Тося, смотри, лошадь лед копытами ломает, за вожжи держись, может, и нас вытасчит. Держись, говорю, вытянет.

Взялись они за лошадь по бокам.

– Нооо, милая, давай, тяни, родимая, вытаскивай, голубушка! – кричала Елена. И лошадь словно понимала, что от нее хотят и что нужно делать, стала ломать копытами лед и грудью пробиваться к берегу. Вытянула!

Поднимались к дому по сугробам, босые, мокрые, уставшие и замерзшие.

– Тося, гляди, платок твой лежит. Наверное, с плеч слетел, ты его и потеряла, когда бежала, – поднимая платок, сказала Елена.

– Ой, и правда! Вот Николай расстроился бы. Он ведь мне его недавно подарил.

Зашли в дом.

– Людка, быстро ставь чай, – скомандовала Тося. – Пока мать лошадь в хлев ставит, я баню топить.

После бани сидели Лена и Тося за столом, и пили чай с медом и малиновым вареньем. Молчали. Первой заговорила Тося.

– Нет, Ленк, хороша, ничего не скажешь: «Тося, гляди, платок потеряла», – с дружеским укором изобразила она Елену.

– Ты, Тоськ, тоже хороша: «Ой, Николай огорчится!» – передразнила она Тосю. – Если бы не лошадь, вот только бы один платок от нас и остался.

В этот момент осознали они до конца случившееся с ними. Обнялись и заплакали, а глядя на них, и Люда с Ниночкой заплакали тоже. После чая налили себе по стопочке домашней настойки в лечебных целях и запели.

– Чтобы я не озябла, на плечи мне осторожно накинул пальто...

(Продолжение следует)